

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 226–242
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 226–242
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-226–242

«ГЛОБАЛЬНАЯ» ИМПЕРИЯ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ: ПОПЫТКА ЗАПОЛНИТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВАКУУМ

М.С. Чисталев

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
marcus7@mail.ru*

Аннотация. Дискуссия на тему романизации, возникшая в историографии в конце XX – начале XXI в. и поставившая под сомнение возможность применения прежней терминологии в условиях постколониальной и постимпериалистической ситуации, активизировала процессы поиска альтернативной концепции. Попытки предложить иную терминологию, которые были предприняты за последние двадцать лет, оказались не слишком удачными. В итоге, деконструкция «романизации» не привела к возникновению новой доминирующей парадигмы, сформировав определенный концептуальный вакуум. В статье подробно рассматривается возобновление интереса к этому теоретико-методологическому вопросу в рамках концепции, предложенной М. Верслюйсом и М. Питтсом, которая, по их мнению, позволит исследовать культурные особенности внутри имперского единства, не игнорируя социальные механизмы и властные элементы управления. Привлекательность нового подхода, на первый взгляд, заключается еще и в том, что глобализационный концепт предполагает рассмотрение культурных процессов внутри империи как разнонаправленных, поддерживая одновременно общеимперское единство и разнообразие идиосинкратических элементов внутри провинций. Однако для более активного применения концепта глобализации в антиковедении крайне не хватает примеров выявления характеристик, свойственных глобализации применительно к ранним историческим периодам. Именно поэтому автором ставится под сомнение возможность использования и приложе-

Данные об авторе: Чисталев Марк Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории НГУ им. Н.И. Лобачевского.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект №20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени»..

ния к римскому миру концепции глобализации ввиду недостаточной разработанности самого подхода. В качестве компромисса, позволившего бы проводить новые исследования с опорой на надежную терминологическую базу, автор предлагает использовать концепцию «имперского диффузионизма», под которым подразумевается неравномерное и неравнозначное взаимовлияние Рима и провинций в рамках политических, социально-экономических и культурных процессов внутри Римской империи.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, глобализация, *Aegyptiaca Romana*, империализм, диффузионизм, восприятие иноземной культуры.

Возможность использования термина «романизация» в последние десятилетия в значительной степени была поставлена под сомнение в результате дискуссии, развернувшейся среди специалистов. Сама постановка вопроса о применении данного термина напрямую связана с постколониальной и постимпериалистической ситуацией, переосмыслением империализма как явления, процессами глобализации конца XX и начала XXI в.¹ Однако масштаб заявленной проблемы оказался настолько значительным, что дебаты среди антиковедов не прекращаются до сих пор, а сама тема «романизации» по-прежнему является одной из центральных во многих исследованиях².

Значительное влияние на антиковедение оказывают британские археологи, занимающиеся римской Британией, которые вместо традиционного взгляда на «романизацию» как на социальный, политический и культурный процесс, связанный с изменениями в материальной культуре, рассматривают ее как «неполноценный» концепт³, предполагающий исключительно одностороннее влияние со стороны римлян. Такое видение процессов, происходивших в римской державе, отразилось и на характере использования терминологии представителями других стран. При этом необходимо отметить, что дискуссия на тему романизации является в большей степени популярной именно среди англоязычных авторов⁴, что стало следствием внутренних процессов в самом британском обществе⁵. В то же время недвусмысленные призывы «покончить с романизацией» игнорируются как в немецкой, так и во французской и итальянской литературе. Важно отметить, что, по справедливому замечанию Э. Эрскина⁶, на текущем этапе исследования поднимаются концептуальные проблемы не Римской империи в целом, а, скорее, процессов ее создания, осмысления и реакции людей на происходившие изменения.

В качестве альтернативы ставшему неpolitкорректным термину сначала пришла «латинизация» и нейтральное выражение «то, что традиционно называют

¹ В последние десятилетия произошло смещение научного интереса в сторону имперского опыта Рима, что, очевидно, более соответствует современным политическими и интеллектуальными вызовам глобального мира. Подробнее см.: Freeman 1997; Махлаюк 2013; Rothe 2013.

² Наиболее значимые исследования: Woolf 1998; Häussler 1998; Mattingly 2004; 2011; 2014; Le Roux 2004; Schörner 2005; Revell 2009; Longfellow 2011; Versluys 2014a; Pitts, Versluys 2015; Барышников 2015; 2020; Хазина, Строганов 2015; Van Oyen 2015; Шистеров 2016a; 2016b; 2017; Махлаюк 2018.

³ Подробнее см.: Woolf 1997; Mattingly 2004; 2006.

⁴ Среди американских историков см., например, Cusick 1998.

⁵ Еще в 1997 г. Д. Маттингли указывал, что современная историческая литература, связанная с римским империализмом, сама по себе является частью империалистического дискурса (Mattingly 1997, 8).

⁶ Erskine 2014, 3.

романизацией», а затем и вовсе нарочито искусственное для исторической науки антропологическое обозначение «креолизация»⁷. Последний термин нашел не только сторонников, для которых «креолизация» стала синонимом синтеза культур⁸, но и противников, указавших на его «неконструктивное специфическое колониальное» происхождение⁹.

Что еще более важно, деконструкция «романизации» не привела к возникновению новой доминирующей парадигмы, сформировав определенный концептуальный вакуум. Несмотря на то что для большинства исследователей очевидна невозможность изучения римской материальной культуры только в рамках бинарной оппозиции «римское – варварское», постколониальный подход фактически исчерпал себя, превратившись в антиколониальный. Бессодержательность альтернативной постколониальной терминологии становится особенно очевидной, когда необходимо четко описать культурные процессы, происходившие в римском мире: к уже упомянутым ранее можно добавить несколько еще более неоднозначных терминов, таких как «гибридность» (англ. *hybridity*¹⁰ или франц. *métissage*¹¹).

Ирония современного терминологического переосмысления заключается еще и в том, что, отрицая традиционные подходы под предлогом их колониального происхождения, исследователи, вводящие постколониальные концепты, сами поддерживают и усиливают старую дихотомию римского и туземного населения, только смещают оценочные характеристики: негативная роль отсталых туземцев перешла к империалистически настроенным римлянам.

М. Верслюйс предлагает свой способ преодоления этой дихотомии. По его мнению, ввиду невозможности проведения строгой границы между категориями «римлянин» и «туземец», они не могут являться фундаментом для исследования культурных и социальных трансформаций, происходивших в провинциях, поскольку неминуемо теряются элементы, определяющие специфику развития этих обществ¹². Формулируя свою идею «взаимосвязанности», М. Верслюйс предлагает рассматривать римский мир как одну большую культурную общность, элементы которой динамически коррелируют друг с другом¹³. Верслюйс выдвигает «взаимосвязанность» (*interconnectedness*) в качестве ключевой характеристики Римского мира и призывает перейти к новому концепту – глобализации, что, по его мнению, позволит исследовать культурные особенности внутри имперского единства, не игнорируя социальные механизмы и властные элементы управления.

Что же из себя представляет новый концепт? Экспоненциальный рост использования термина «глобализация» начиная с 1990-х гг. привел к его всеобщему распространению не только в академических кругах, но и средствах массовой информации. Термин стал настолько «модным», что его применяют для объяснения целого ряда явлений: от высокого экономического роста в развитых странах до глобальной рецессии, уменьшения влияния государственного суверенитета, смещения центра производства основной массы товаров в развивающиеся страны,

⁷ Webster 2001, 219.

⁸ Sweetman 2007, 66–67.

⁹ Roth 2007, 19.

¹⁰ Carr 2006; Sears 2018.

¹¹ Schmidt, Corbin 2006; Thomas 2006; Traina 2006.

¹² Versluys 2014b, 7.

¹³ Versluys 2014b, 12.

масштабных миграционных процессов и даже изменения климата. В общественном сознании глобализация часто ассоциируется с включением экономики государства в мировой рынок и ее тесного переплетения с экономикой других стран на основе транснационализации, а также контрпроцессами, вызванными этими событиями и явлениями: от движений антиглобалистов до международного терроризма. Общим знаменателем для все подобных трактовок является усиление взаимосвязей и взаимозависимости различных регионов мира между собой, а также пространственно-временное сжатие¹⁴. Причем применительно к первому аспекту следует иметь в виду не постепенное эволюционное усиление, а достаточно резкое (в течение короткого исторического промежутка) изменение межрегионального взаимодействия, с сопутствующим ему социальными переменами и созданием глобальной культуры¹⁵.

Следует отметить, что переосмысление новой концепции в академических кругах натолкнулось и на определенные расхождения в трактовках, особенно в той части, которая касается начала процесса глобализации. К примеру, некоторые экономисты, рассматривая глобализацию как движение в сторону рыночной интеграции и создания единой мировой экономики, связывают дату начала этого процесса с формированием единых мировых цен на сырьевые товары в начале XIX в.¹⁶ Другие исследователи, в числе которых были как историки, так и экономисты, отодвигали дату на конец XV – начало XVII в., отсчитывая начало «глобальной эпохи» мировой истории с открытия Америки Х. Колумбом¹⁷ или установления торговых связей между Азией и Америкой¹⁸. Следуя в русле разработанной И. Валлерстайном мир-системной теории¹⁹, исследующей социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, некоторые авторы опирались на все менее строгие экономические критерии, заявляя о формировании глобальной экономики еще в третьем тысячелетии до н.э.²⁰ Несмотря на столь радикально отличающиеся хронологические рамки, в целом сама характеристика глобализации как усложнения взаимосвязанности и взаимозависимости остается ключевой идеей в различных подходах как в исторических, так и социально-экономических изысканиях²¹.

С увеличением количества академических исследований на тему глобализации, постепенно произошел отказ от рассмотрения этого явления как принципиально нового и современного²², которому способствовали технологические достижения XX века, позволившие радикально изменить скорость перемещения людей, товаров, а также распространения информации. Пришедшая на смену гипотеза предполагает, что социальные, политические и экономические процессы, которые в настоящее время принято интерпретировать в качестве глобализации,

¹⁴ Речь идет о том, что технологические достижения способствуют сокращению расстояний, временных или иных издержек.

¹⁵ Jennings 2014, 13.

¹⁶ O'Rourke, Williamson 2002; 2004.

¹⁷ Bentley 1999, 7; Frank 2008, 52; de Vries 2010.

¹⁸ Flynn, Giráldez 2008.

¹⁹ Wallerstein 1974, 387–415.

²⁰ Frank, Gills 2006; 2014; Gills, Thompson 2006.

²¹ Tomlinson 2006; Gills, Thompson 2006; Hopkins 2011; Pitts, Versluys 2015; Nelson 2017.

²² Tomlinson 2006; Giddens 2015.

имели свои аналоги и в далеком прошлом²³. Одним из наиболее ярких критиков контемпорального подхода к глобализации является профессор культурной антропологии Я. Н. Питерс, утверждающий, что за попытками свести глобализацию к достижениям XX века стоят европоцентристские идеи, которые описывают не столько саму глобализацию, сколько феномен вестернизации²⁴. Аналогичной позиции придерживается и известный немецкий социолог А.Г. Франк, не только отвергающий исключительную связь глобализации с современностью, но и выдвигающий тезис о ведущей роли Азии в этом процессе²⁵. Словно подчеркивая необходимость более рационального исторического рассмотрения исследуемого явления, в научном обороте стали появляться термины «предыстория глобализации»²⁶ и «протоглобализация»²⁷.

Привлекательность нового подхода заключается еще и в том, что глобализационный концепт предполагает рассмотрение культурных процессов внутри империи как разнонаправленных, поддерживая одновременно общеимперское единство и разнообразие идиосинкретических элементов внутри провинций.

Однако главная проблема изучения глобализации в историческом контексте заключается в том, что в основе дебатов до сих пор преимущественно лежат не исторические исследования с опорой на источники, а, скорее, общенаучные исследования, вышедшие из-под пера теоретиков социально-экономических процессов. Для более активного применения концепта глобализации в антиковедении крайне не хватает примеров выявления характеристик, свойственных глобализации применительно к ранним историческим периодам²⁸. Это связано с тем, что сама возможность применения теории глобализации к римской истории не вызвала ажиотажа в зарубежной, равно как и в отечественной историографии. До сих пор, фактически, не было издано ни одной монографии, посвященной обстоятельному изучению данной тематики. Единственное значительное по объему исследование Р. Хингли вопреки громкому названию «Процесс глобализации римской культуры»²⁹ представляет собой, скорее, обзор современного состояния проблематики изучения римской империи и империализма в англоязычной литературе, нежели развернутый поиск аналогий глобализационных процессов в римской истории³⁰. Более того, часть историков категорически не согласны с новой концепцией³¹.

²³ Appadurai 2001; Waters 2009; Robertson 2011.

²⁴ Pieterse 2015.

²⁵ Frank 2008; Frank, Denmark 2016.

²⁶ Shami 2000, 178–179.

²⁷ Bayly 2011.

²⁸ Исключение составляет монография Дж. Дженнигса (Jennings 2014) и коллективный труд под редакцией М. Питтса и М. Верслюйса (Pitts, Versluys 2015). Отдельно следует отметить статью Р. Герати (Geraghty 2007), в которой, несмотря на заявленную в заголовке глобализационную тематику, основной акцент сделан на применении экономической модели равновесия для описания положения Италии в ходе расширения экспансии Римской державы. Одной из последних работ является коллективная монография под редакцией Тамара Ходоса (Hodos 2019). Данную работу по ширине географического охвата можно смело назвать уникальной, поскольку она включает в себя исследования не только Средиземноморья, но и Мезоамерики, Австралии и Океании, а также Дальнего Востока и Малой Азии.

²⁹ Hingley 2005.

³⁰ Prag, Hingley 2006, 214.

³¹ Greene 2008.

На аргументах Ф. Нэребута, одного из наиболее ярких идейных противников, стоит остановиться подробнее. Как отмечает нидерландский исследователь, использование термина «глобализация» вне рамок современного общества категорически неприемлемо³². Несмотря на значительные размеры, Римская империя, по его мнению, никогда не была глобальной державой в том понимании, которое мы вкладываем в наше время. Иными словами, исторические события разворачивались в ограниченных географических рамках и не затрагивали весь мир в буквальном смысле этого слова³³. Отталкиваясь от утверждения, что глобализация сопровождается рядом изменений в обществе, вызванными пространственно-временным сжатием, Ф. Нэребут подчеркивает, что такие изменения в беспрецедентном масштабе³⁴ стали происходить только в новейшей истории человечества, а значит, использование глобализационной концепции для изучения иных исторических периодов недопустимо³⁵. Признавая увеличение мобильности населения в Римской империи вследствие миграционных процессов, а также увеличение торгового оборота между провинциями и Римом, Ф. Нэребут указывает на то, что преодоление расстояний в Римской империи, равно как и в любом другом древнем обществе, основывалось на физических усилиях со стороны человека: обширные территории стали частью одного государства, но так называемая тирания расстояний по-прежнему сохранялась³⁶. Однако, по его мнению, эта взаимосвязанность между регионами империи существенно отличается от увеличения мобильности в результате достижений в области транспорта и телекоммуникаций в современном мире. Таким образом, согласно Ф. Нэребуту, теория глобализации должна касаться только тех событий, которые действительно уникальны по своему масштабу или интенсивности для всего человечества. Соответственно, для характеристики усиления взаимных культурных контактов и экономических связей необходимо использовать уже существующие теории, а не пытаться включать в определения глобализации тот смысл, который изначально к глобализации никакого отношения не имеет³⁷.

Успешному переосмыслению постколониальной и постимпериалистической ситуации с применением концепта глобализации препятствует также отсутствие всестороннего анализа саморефлексии современников исследуемой эпохи в отношении реалий своего времени. С одной стороны, идеи масштабного объединения, лежащие в основе глобализации, оказались поразительно похожи на отрывок из первой книги «Всеобщей истории» Полибия, датированный серединой II в. до н.э., так часто цитируемый в этой связи в зарубежной историографии: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место... Начиная же с этого времени, история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу...» (Пер. Ф.Г. Мищенко. Polyb. I. 3. 3–4). В эти же

³² Naerebout 2008.

³³ Naerebout 2008, 154.

³⁴ В основу изменений он поставил достижения в сфере так называемых «высоких технологий»: компьютеризация, появление мобильных телефонов, интернета и иных телекоммуникационных систем.

³⁵ Naerebout 2008, 164.

³⁶ Naerebout 2008, 165.

³⁷ Naerebout 2008, 166.

представления, на первый взгляд, укладывается также римская и эллинистическая терминология обозначения обитаемого мира (*orbis terrarum* и *οἰκουμένη*), известного в античности и так или иначе вовлеченного в единое культурно-экономическое пространство. В дополнение сторонники глобализационного подхода часто приводят в пример отрывок из «Похвалы Риму» видного представителя Второй софистики греческого риторика Элия Аристида, который должен развеять всякие сомнения относительно глобального характера Римской империи³⁸, что, по мнению М. Верслюйса, подтверждает восприятие римлянами своего мира как в основе своей глобализованного (*quintessentially globalised*)³⁹.

С другой стороны, налицо типичная манипуляция понятиями, когда объединение значительной территории под гегемонией одного центра преподносится как общемировая глобализация или протогобализация. Очевидно, что наличие единых социально-экономических процессов в Римской империи не является глобализацией в том понимании, в котором этот термин традиционно употребляется, тем более с отсылкой на заведомо гиперболизированное утверждение Аристида, что «римляне распахнули ворота всего населенного мира» (*Ael. Arist. Orat. XXVI. 102*).

Из вышесказанного можно заключить, что использование теории глобализации для изучения Римской империи при текущем состоянии концептуальной разработанности самого подхода представляется крайне ненадежным. Неудивительно, что появление в современном антиковедении концепции глобализации было встречено настороженно, если не сказать скептически. Несмотря на то что в известной⁴⁰ коллективной монографии под редакцией М. Питтса и М. Верслюйса⁴¹ оба упомянутых автора активно выступают за применение глобализационного концепта к доиндустриальным обществам, другие авторы не в полной мере разделяют такой подход. Так, Н. Морли, поставив вопрос о возможности с помощью понятия глобализации достичь чего-то большего, чем риторическое уподобление Римской империи современному миру, не находит одного из ключевых признаков глобализации – сжатия пространства и времени⁴². В то время как М. Зоммер, исследуя формирование взаимосвязей средиземноморского мира от времен существования древнейших цивилизаций на Ближнем Востоке вплоть до III в. н.э., и вовсе сознательно избегает использования термина «глобализация».

Само по себе введение такого термина в исторический лексикон в настоящее время следует воспринимать, скорее, как дань информационной моде, формируемой в том числе средствами массовой информации. Отсюда проистекают и те противоречия, с которыми приходится сталкиваться исследователям. В пер-

³⁸ «...вы измерили пространство всего населенного мира, перекинули мосты через реки, прорубили конные дороги в горах, наполнили пустыни пристанищами, укротили природу порядком и размеренной жизнью... Сегодня не нужно составлять описания земель и перечислять их законы и обычаи, ибо вы открыли всем путь по всей земле. Вы распахнули все ворота населенного мира и предоставили всем, кто хочет, возможность все увидеть собственными глазами. Вы установили законы, единые для всех, и положили конец тому прошлому, которое забавно в рассказах, но несносно для ума» (Пер. С.И. Межеричкой, *Ael. Ar. Orat. XXVI. 101–102*).

³⁹ Pitts, Versluys 2015, 18.

⁴⁰ Во многом даже знаковой, учитывая, что в ней подводятся определенные итоги и намечаются перспективные линии применения концепции глобализации. Подр. см.: Махлаюк 2018.

⁴¹ Pitts, Versluys 2015.

⁴² Махлаюк 2018, 433.

вую очередь, речь идет о размытости определения глобализации в историческом контексте: очевидно, что усиление мобильности и пространственно-временное сжатие были характерными явлениями для различных исторических периодов, но принципиальное отличие от событий конца XX в. как раз и заключается в масштабах происшедшего, невиданных до этого в истории человечества, трансформации самого характера таких контактов, их перехода в новое состояние, когда расстояние между людьми буквально стирается за счет использования принципиально новых технологических достижений. В этой связи сложно не согласиться с Ф. Нэребутом в том, что появление новой производной терминологии (например, термина «предыстория глобализации») является не чем иным, как попыткой сместить акцент⁴³ с изучения современного общества в сторону любого другого периода с последующей корректировкой изначального значения самого термина «глобализация» и добавлением различных оговорок, без которых концепт глобализации теряет в историческом контексте всякий смысл. Во-вторых, отсылку к усилению взаимозависимости и взаимосвязанности внутри общества как к одной из главных идей глобализации было бы ошибочно слепо использовать в отношении более ранних исторических периодов, поскольку по своей сути этот критерий является универсальным (общим), свойственным любой империи в период ее активного становления. Если опираться исключительно на эти условия, то весьма вероятной станет ситуация, при которой процесс глобализации окажется почти непрерывным явлением, дезавуируя уникальность парадигмы глобализации как таковой. Таким образом, возможное применение концепта глобализации для описания Римской империи все еще остается не до конца обоснованным, а сама идея замены парадигмы романизации на глобализацию имеет на данном этапе лишь один очевидный позитивный эффект, который связан с возрождением дискуссий на тему кросс-культурных и социально-экономических процессов внутри империи.

В условиях, когда старые концепты в значительной степени дискредитированы, а современные не до конца осмыслены и конкретизированы, необходимо искать «золотую» середину, компромисс, который позволил бы строить новые исследования с опорой на надежную терминологическую базу. Поэтому, отказавшись от глобализационного подхода, прежде всего нужно признать, что межкультурные взаимодействия внутри Римской империи никогда не носили одностороннего линейного характера. В то же время становлению любой империи свойственны объединительные процессы, которые направлены на взаимную интеграцию центра и периферии. Они могут включать в себя: усиление торговых связей, строительство транспортной инфраструктуры, миграцию населения, вовлечение людей в общеимперские институты, усиленные кросс-культурные контакты и иные процессы, направленные на создание единого государства и более однородного общества. При этом, разумеется, нет никаких оснований утверждать, что внутри Римской империи в рамках интеграционных процессов взаимодействие (и как следствие, взаимовлияние) было равноценным. С одной стороны, потому что в абсолютном большинстве случаев присоединение новых территорий было следствием завоеваний со стороны римлян, т.е. при военном доминировании и экономическом

⁴³ Naerebout 2008, 161.

превосходстве одной державы над другой, а с другой – все сильно зависело от той сферы, в которой происходило это взаимодействие. Для объяснения вышеописанных процессов наилучшим образом подходит антропологический концепт, который с учетом специфики именно исторического применения к Римской державе уместно было бы обозначить как «имперский диффузионизм». Однако предложенный вариант нельзя считать идентичным классическому диффузионизму⁴⁴, предполагающему распространение культуры из одних центров в другие. Под «имперским диффузионизмом» мы подразумеваем неравномерное и неравнозначное взаимовлияние Рима и провинций в рамках политических, социально-экономических и культурных процессов внутри Римской империи. В отличие от подходов, вызывающих острые дискуссии на фоне отказа от колониального мышления, предложенный концепт лишен их главного недостатка – конъюнктурной зависимости, но в то же время позволяет рассматривать различные аспекты становления и укрепления империи как единой державы, со всеми положительными и отрицательными последствиями для населения римских провинций.

Особенно ярко имперский диффузионизм находит выражение в области культуры. Ключевой особенностью римской культурной и религиозной среды всегда была открытость по отношению к восприятию традиций других народов. Римляне не просто заимствовали элементы этих культур, но и переосмысливали их в рамках новых общеимперских устремлений. При этом «римской культуры» как чего-то унифицированного для всех регионов Империи не существовало, скорее, она походила на гибрид, имевший как общие элементы, так и существенные различия в зависимости от конкретной провинции⁴⁵. Однако именно традиции самого Рима (и в значительной степени Италии) испытывали на себе особое влияние со стороны периферии. Для характеристики римской имперской культуры Э. Уоллас-Хадрилл даже использовал метафорическое сравнение с кровеносной системой, в которой Рим выступает в роли сердца, постоянно притягивая не только материальные блага, но и новые идеи (воззрения), чтобы выкачать их снова, но уже «преобразованными посредством оксигенации в «римскую кровь» (transformed by oxygenation into “Roman blood”)⁴⁶. Сам процесс культурной интеграции сопровождался переоценкой визуальных образов и ценностных ориентиров, которые были вложены в структурные элементы культуры–«донора».

Идеальным примером в этом случае являются кросс-культурные контакты между Римом и Египтом. Начиная со второй половины XIX в. на территории Италии были обнаружены многочисленные объекты, которые в настоящее время составляют так называемую группу *Aegyptiaca Romana*⁴⁷. Сюда входят как подлинные исторические артефакты, созданные в Древнем Египте, так и изготовленные непосредственно на территории Италии. Причем ко второй категории следует относить не только предметы, выполненные в египетском стиле, но и не имеющие прямых аналогов в египетской культуре, а лишь ассоциирующиеся с Египтом с помощью стилистических образов. Даже если исключить из анализа *Aegyptiaca*,

⁴⁴ Александренков 1976; Алипов 2017.

⁴⁵ Махлаюк 2013, 228.

⁴⁶ Wallace-Hadrill 2008, 361.

⁴⁷ Чисталев 2019, 5.

использовавшуюся в политическом контексте⁴⁸, остается довольно внушительный перечень объектов, подчеркивающих масштаб культурного влияния Египта на Рим. Важно отметить, что до завоевания Египта интерес к его культуре носил не столь масштабный характер, хотя отдельные элементы постепенно становились предметом увлечения римлян⁴⁹. Экспансия египетской культуры особенно отразилась на популяризации в Риме и Италии египетских религиозных культов в их эллинизированной форме. Начиная с I в. до н.э. и вплоть до III в. н.э. происходила постепенная интеграция этих культов в римскую религиозную среду, вплоть до возведения Исиды и Сераписа в ранг государственных богов, подкрепляющих божественный статус императора. По мере распространения египетских культов в Италии наблюдается и увеличение интереса к *Aegyptiaca Romana* в целом. Не связанные с религиозным контекстом Нильские сцены, объединенные общей тематикой разлива Нила, являются наиболее показательным примером того, как римляне воспринимали «чужую» культуру через призму целого ряда стереотипов, порой сводя ее лишь к отдельным знакам – топосам, отсылающим к египетской традиции. Именно поэтому для описания восприятия римлянами египетской культуры используется термин «египтомания»⁵⁰. Вопреки предубеждениям самих римлян, в некоторых случаях полностью игнорируя оригинальное смысловое содержание объектов, римская египтомания стала культурным феноменом, в котором главная роль отведена не столько самому Египту, сколько его образу, интерпретированному римлянами и популяризированному в виде ярких символов и топосов.

Обратное влияние Рима на египетскую культуру также получило особое выражение в рамках процесса, который Д. Франкфуртер назвал «стереотипным присвоением»⁵¹. Увеличение интереса к египетской культуре и религии в римском обществе отразилось на популярности туристических поездок по Египту⁵². При этом египетское наследие великого прошлого интерпретировалось согласно культурным представлениям самих посещавших Египет туристов, что стало причиной появления целого ряда неверных ассоциаций, как, например, случилось с массивными статуями Аменхотепа III, некогда украшавшими вход в его заупокойный храм, которые длительное время считались памятниками герою греческой мифологии Мемнону. Поскольку главным источником информации о традициях и истории Египта для римлян (равно как и для греков) выступали местные жрецы, они всячески старались подстроиться под устоявшиеся у римлян представления, что в итоге служило «катализатором» появления полумифических, в иных случаях просто выдуманных историй, цель которых состояла в извлечении экономической выгоды путем получения хорошего вознаграждения за свои услуги. Следовательно, принимая и поддерживая стереотипные представления о своей истории, традициях и религии, созданные в отношении них представителями «чужой» доминирующей культуры, египтяне сами способствовали укоренению популярных в античности топосов.

⁴⁸ В основном это были объекты, которые Октавиан использовал в идеологических целях для демонстрации значения покорения Египта и пропаганды достижений принцепса.

⁴⁹ Речь идет о Нильских пейзажах или, например, Нильской мозаике Палестрины.

⁵⁰ Чисталев 2019, 247–248.

⁵¹ Frankfurter 2000, 167.

⁵² Те римляне, которые в силу своего положения могли посетить Египет, активно посещали наиболее известные исторические достопримечательности. Подр. см.: Чисталев 2019, 180–208.

Таким образом, новые культурные элементы распространялись из Египта на территорию Италии и провинций и наоборот не только посредством личных контактов, благодаря миграции и торговле, но в силу объективных процессов взаимодействия двух народов между собой. В рамках единого имперского пространства происходил взаимный процесс смешения, переноса и заимствования культурных достижений. Важно отметить, что дополнение культуры новыми идеями в случае с Римом не являлось лишь механическим добавлением элементов к базовой культурной системе: египетская традиция стала стимулом к новому внутреннему развитию культуры – «реципиента». Следствием этого взаимодействия явилось не только появление целого ряда уникальных по своей сути предметов *Aegyptiaca Romana*, но и возникновение нового жанра в римском искусстве – Нильских сцен. В то же время очевидно, что влияние египетской культуры на римскую было куда более значительным, нежели обратное явление. Из этого следует, что отношения между Египтом и Римом едва ли можно уложить в рамки традиционной трактовки термина «романизация» как линейного одностороннего процесса, в ходе которого доминирующая сторона поступательно и неуклонно распространяла свое влияние, формируя на периферии культуры вторичные по отношению к себе. С этой точки зрения глобализационная концепция также не соответствует характеру межкультурного взаимодействия Египта и Рима, даже если отбросить прочие очевидные нестыковки в ее применении к античности. Во-первых, открытым остается вопрос о принципиальном отличии двусторонних коммуникаций до вхождения Египта в состав Римской державы и после получения статуса провинции. Иными словами, имела ли место интенсификация коммуникационных процессов, сужающая пространственно-временные границы!? Во-вторых, не наблюдается вытеснение одной культуры другой, более массовой, поэтому не происходит размывание культурного многообразия, что свойственно глобализации⁵³. Как итог, можно констатировать, что концепция имперского диффузионизма, отличие от иных концептов, предложенных в последние десятилетия, является значительно более гибким теоретическим инструментом, позволяющим интерпретировать становление, развитие и внутренние процессы в Римской империи как сложное, многовекторное и неравнозначное явление. Последующая разработка данной концептуальной схемы позволит более обстоятельно рассмотреть ее использование в отношении истории Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Александренков, Э.Г. 1976: Диффузионизм в зарубежной западной этнографии. В кн.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.). *Концепции зарубежной этнологии*. М., 26–67.
- Алипов, П.А. 2017: Новые контуры диффузионизма. Пантеон Пальмиры в трудах М.И. Ростовцева и К. Хопкинса. *Диалог со временем* 60, 301–310.
- Барышников, А.Е. 2015: Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации. *Вестник ННГУ* 1, 17–24.
- Барышников, А.Е. 2020: Разбирая империализм: «левый поворот» и особенности современных исследований римской Британии. *Вестник ННГУ* 6, 9–17.

⁵³ Чумаков 2015.

- Махлаюк, А.В. 2013: «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (Рец.: Morley N. Roman Empire: Roots of Imperialism. London – New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.). *ВДИ* 284, 222–231.
- Махлаюк, А.В. 2018: Глобализация по-римски. *Древний Восток и античный мир* 9, 430–443.
- Хазина, А.В., Строганов, Д.А. 2015: Глобализация как объект исторического анализа: уроки эллинизма. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология* 216, 12–14.
- Чисталев, М.С. 2019: *Египет и Рим*. М.
- Чумаков, А.Н. 2015: Массовая культура как порождение и спутник глобализации. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика* 1–2, 120–131.
- Шистеров, М.В. 2016а: Романизация, римскость и локальные идентичности: новый взгляд на феномен римского империализма? *Историко-педагогические чтения* 20(2), 235–239.
- Шистеров, М.В. 2016б: После романизации? *Запад, Восток и Россия. Вопросы всеобщей истории* 18, 127–131.
- Шистеров, М.В. 2017: Римский империализм в постимпериалистической перспективе (о некоторых особенностях «постколониальной историографии»). *Запад, Восток и Россия. Вопросы всеобщей истории* 19, 305–311.
- Appadurai, A. 2001: *Globalization*. Durham.
- Bayly, C.A. 2011: “Archaic” and “Modern” Globalization in the Eurasian and African Arena, c. 1750-1850. In A.G. Hopkins (ed.), *Globalization in World History*. London, 47–73.
- Bentley, J.H. 1999: Asia in world history. *Education About Asia* 4, 5–9.
- Carr, G.C. 2006: *Creolised Bodies and Hybrid Identities: Examining the Early Roman Period in Essex and Hertfordshire*. Oxford.
- Cusick, J.G. 1998: Historiography of Acculturation: An Evaluation of Concepts and their Application in Archaeology. In J.G. Cusick (ed.), *Studies in Culture Contact: Interaction, Culture Change, and Archaeology*. Carbondale, 126–145.
- Erskine, A. 2014: *Roman Imperialism*. Edinburgh.
- Flynn, D.O., Giráldez, A. 2008: Born Again Globalization’s Sixteenth Century Origins (Asian/Global Versus European Dynamics). *Pacific Economic Review* 13(3), 359–387.
- Frank, A.G. 2008: *Reorient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley.
- Frank, A.G., Denemark, R.A. 2016: *Reorienting the 19th Century: Global Economy in the Continuing Asian Age*. Abingdon.
- Frank, A.G., Gills, B.K. 2006: The Five Thousand Year World System in Theory and Praxis. In R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London, 3–23.
- Frank, A.G., Gills, B.K. 2014: *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* Hoboken.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In J. Assman (ed.). *Archiv für Religionsgeschichte*. Berlin.
- Freeman, P. 1997: Romanization – Imperialism – What are we talking about? In K. Meadows, C. Lemke, Heron J. (eds.), *TRAC 96: Proceedings of the Six Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 8–14.
- Geraghty, R.M. 2007: The Impact of Globalization in the Roman Empire, 200 BC - AD 100. *The Journal of Economic History* 67(4), 1036–1061.
- Giddens, A. 2015: *The Consequences of Modernity*. Cambridge.
- Gills, B.K., Thompson, W. 2006: *Globalization and Global History*. London.
- Greene, K. 2008: Learning to consume: Consumption and consumerism in the Roman Empire. *JRA* 21(1), 64–82.

- Häussler, R. 1998: Motivations and Ideologies of Romanization. In C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.). *TRAC 97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 11–19.
- Hingley, R. 2005: *Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London.
- Hodos, T. 2019: *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Abingdon.
- Hopkins, A.G. 2011: *Globalization in World History*. London.
- Jennings, J. 2014: *Globalization and the Ancient World*. Cambridge.
- Le Roux, P. 2004: Questioning Romanization. *Annales HSS* 59(2), 287–311.
- Longfellow, B. 2011: *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge.
- Mattingly, D. 1997: Dialogues of Power and Experience in the Roman Empire. In D.J. Mattingly (ed.). *Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experiences in the Roman Empire*. Portsmouth, 7–26.
- Mattingly, D. 2004: Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting. *JRA* 17, 5–25.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. London.
- Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton.
- Mattingly, D. 2014: Identities in the Roman World: Discrepancy, Heterogeneity, Hybridity, and Plurality. In L.R. Brody, G.L. Hoffman (eds.), *Roman in the Provinces: Art on the Periphery of Empire*. Boston, 37–62.
- Naerebout, F.G. 2008: Global Romans? Is globalisation a concept that is going to help us understand the Roman empire? *Talanta* 38–39, 149–170.
- Nelson, W.M. 2017: European History and Early Modern Globalization. *History Workshop Journal* 83(1), 347–355.
- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2002: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 6(1), 23–50.
- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2004: Once more: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 8(1), 109–117.
- Pieterse, J.N. 2015: *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham.
- Pitts, M., Versluys, M.J. 2015: *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives*. Cambridge.
- Prag, J.R.W., Hingley, R. 2006: Globalizing Roman culture: unity, diversity and empire. *JRS* 96, 214–216.
- Revell, L. 2009: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Robertson, R. 2011: *Globalization. Society Theory and Global Culture*. London.
- Roth, R. 2007: *Styling Romanisation: Pottery and Society in Central Italy*. Cambridge.
- Rothe, U. 2013: Romanisation. In R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine, S.R. Huebner (eds.). *The Encyclopedia of Ancient History*. Malden, 5875–5881.
- Schörner, G. 2005: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*. Berlin.
- Sears, G. 2018: From Romanised subject to sophisticated code-switcher: the formation of thought on hybridity and the spread of Roman culture. In N. Lemay-Hebert, R. Freedman (eds.). *Hybridity: Law, Culture and Development*. Oxford, 91–104.
- Schmidt, N., Corbin, A. 2006: *Histoire du métissage*. Paris.
- Shami, S. 2000: Prehistories of Globalization. *Public Culture* 12(1), 177–204.
- Sweetman, R.J. 2007: Roman Knossos: The Nature of a Globalized City. *AJA* 111(1), 66–67.
- Thomas, J. 2006: *L'imaginaire de l'homme roma* In *Dualité et complexité*. Bruxelles.
- Tomlinson, J. 2006: *Globalization and Culture*. Cambridge.
- Traina, G. 2006: Romanizzazione, “métissage”, ibridità, alcune riflessioni. *MEFRA* 118(1), 151–158.
- Van Oyen, O. 2015: Deconstructing and reassembling the Romanization debate through the lens of postcolonial theory: from global to local and back? *Terra Incognita* 5, 205–226.

- Versluys, M.J. 2014a: Getting out of the Comfort Zone. Reply to responses. *Archaeological Dialogues* 21(1), 50–64.
- Versluys, M.J. 2014b: Understanding objects in motion. An archaeological dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues* 21(1), 1–20.
- de Vries, J. 2010: The limits of globalization in the early modern world. *The Economic History Review* 53(3), 710–733.
- Wallace-Hadrill, A. 2008: *Rome's Cultural Revolution*. Cambridge.
- Wallerstein, I. 1974: The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History* 16(4), 387–415.
- Waters, M. 2009: *Globalization*. London.
- Webster, J. 2001: Creolizing the Roman provinces. *AJA* 105(2), 209–255.
- Wolf, G. 1997: Beyond Romans and natives. *World Archaeology* 28(3), 339–350.
- Wolf, G. 1998: *Becoming Roman: The Origins of Provincial Administration in Gaul*. Cambridge.

REFERENCES

- Aleksandrenkov, E.G. 1976: Diffuzionizm v zarubezhnoy zapadnoy etnografii [Diffusionism in foreign Western ethnography]. In Y.V. Bromley (ed.), *Kontseptsii zarubezhnoy etnologii* [*Foreign Ethnology Concepts*]. Moscow, 26–67.
- Alipov, P.A. 2017: Novye kontury diffuzionizma. Panteon Pal'miry v trudakh M.I. Rostovtseva i K. Khopkinsa [The new contours of the diffusionism theory the pantheon of Palmyra in the works of M.I. Rostovtzeff and C. Hopkins]. *Dialog so vremenem* [*Dialogue with Time*] 60, 301–310.
- Appadurai, A. 2001: *Globalization*. Durham.
- Baryshnikov, A.E. 2015: Imperiya nanosit otvetnyy udar? “Arkheologicheskie dialogi” i ocherednoy vitok diskussii o romanizatsii [Empire strikes back? “Archaeological dialogues” and a new turn of the romanization debate]. *Vestnik NNGU* [*Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*] 1, 17–24.
- Baryshnikov, A.E. 2020: Razbiraya imperializm: “levyy povorot” i osobennosti sovremennykh issledovaniy rimskoy Britanii [Deconstructing imperialism: “left turn” and some features of contemporary Romano-British studies]. *Vestnik NNGU* [*Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*] 6, 9–17.
- Bayly, C.A. 2011: “Archaic” and “Modern” Globalization in the Eurasian and African Arena, c. 1750–1850. In A.G. Hopkins (ed.), *Globalization in World History*. London, 47–73.
- Bentley, J.H. 1999: Asia in world history. *Education about Asia* 4, 5–9.
- Carr, G.C. 2006: *Creolised Bodies and Hybrid Identities: Examining the Early Roman Period in Essex and Hertfordshire*. Oxford.
- Chistalev, M.S. 2019: *Egipet i Rim* [*Egypt and Rome*]. Moscow.
- Chumakov, A.N. 2015: Massovaya kul'tura kak porozhdenie i sputnik globalizatsii [Mass culture as a product and a satellite of globalization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika* [*Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*] 1–2, 120–131.
- Cusick, J.G. 1998: Historiography of Acculturation: An Evaluation of Concepts and their Application in Archaeology. In J.G. Cusick (ed.), *Studies in Culture Contact: Interaction, Culture Change, and Archaeology*. Carbondale, 126–145.
- Erskine, A. 2014: *Roman Imperialism*. Edinburgh.
- Flynn, D.O., Giráldez, A. 2008: Born AgaIn Globalization's Sixteenth Century Origins (Asian/Global Versus European Dynamics). *Pacific Economic Review* 13(3), 359–387.
- Frank, A.G. 2008: *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley.
- Frank, A.G., Denemark, R.A. 2016: *Reorienting the 19th century: Global Economy in the Continuing Asian Age*. Abingdon.

- Frank, A.G., Gills, B.K. 2006: The Five Thousand Year World System in Theory and Praxis. In R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London, 3–23.
- Frank, A.G., Gills, B.K. 2014: *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* Hoboken.
- Frankfurter, D. 2000: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. In J. Assman (ed.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Berlin.
- Freeman, P. 1997: Romanization – Imperialism – What are we talking about? In K. Meadows, C. Lemke, J. Heron (eds.), *TRAC 96: Proceedings of the Six Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 8–14.
- Geraghty, R.M. 2007: The Impact of Globalization in the Roman Empire, 200 BC–AD 100. *The Journal of Economic History* 67(4), 1036–1061.
- Giddens, A. 2015: *The Consequences of Modernity*. Cambridge.
- Gills, B.K., Thompson, W. 2006: *Globalization and Global History*. London.
- Greene, K. 2008: Learning to consume: Consumption and consumerism in the Roman Empire. *JRA* 21(1), 64–82.
- Häussler, R. 1998: Motivations and Ideologies of Romanization. In C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.), *TRAC 97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*. Oxford, 11–19.
- Hingley, R. 2005: *Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London.
- Hodos, T. 2019: *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Abingdon.
- Hopkins, A.G. 2011: *Globalization in World History*. London.
- Jennings, J. 2014: *Globalization and the Ancient World*. Cambridge.
- Khazina, A.V., Stroganov, D.A. 2015: Globalizatsiya kak ob"ekt istoricheskogo analiza: uroki ellinizma [Globalisation as an object of historical analysis: the lessons of Hellenism]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Serie: History and Political Science] 216, 12–14.
- Le Roux, P. 2004: Questioning Romanization. *Annales HSS* 59(2), 287–311.
- Longfellow, B. 2011: *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge.
- Makhlayuk, A.V. 2013: “Arkhetipicheskaya imperiya” v kontekste sovremennogo imperializma [“Archetypal Empire” in the context of modern imperialism] (Rev.: Morley N. Roman Empire: Roots of Imperialism. London–New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.). *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 284, 222–231.
- Makhlayuk, A.V. 2018: Globalizatsiya po-rimski [Roman globalisation]. *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [The Ancient East and the Ancient World] 9, 430–443.
- Mattingly, D. 1997: Dialogues of Power and Experience in the Roman Empire. In D.J. Mattingly (ed.), *Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experiences in the Roman Empire*. Portsmouth, 7–26.
- Mattingly, D. 2004: Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting. *JRA* 17, 5–25.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. London.
- Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton.
- Mattingly, D. 2014: Identities in the Roman World: Discrepancy, Heterogeneity, Hybridity, and Plurality. In L.R. Brody, G.L. Hoffman (eds.), *Roman in the Provinces: Art on the Periphery of Empire*. Boston, 37–62.
- Naerebout, F.G. 2008: Global Romans? Is globalisation a concept that is going to help us understand the Roman empire? *Talanta* 38–39, 149–170.
- Nelson, W.M. 2017: European History and Early Modern Globalization. *History Workshop Journal* 83(1), 347–355.
- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2002: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 6(1), 23–50.

- O'Rourke, K.H., Williamson, J.G. 2004: Once more: When did globalisation begin. *European Review of Economic History* 8(1), 109–117.
- Pieterse, J.N. 2015: *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham.
- Pitts, M., Versluys, M.J. 2015: *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives*. Cambridge.
- Prag, J.R.W., Hingley, R. 2006: Globalizing Roman culture: unity, diversity and empire. *JRS* 96, 214–216.
- Revell, L. 2009: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Robertson, R. 2011: *Globalization. Society Theory and Global Culture*. London.
- Roth, R. 2007: *Styling Romanisation: Pottery and Society in Central Italy*. Cambridge.
- Rothe, U. 2013: Romanisation. In R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion, A. Erskine, S.R. Huebner (eds.). *The Encyclopedia of Ancient History*. Malden, 5875–5881.
- Schmidt, N., Corbin, A. 2006: *Histoire du métissage*. Paris.
- Schörner, G. 2005: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*, Berlin.
- Sears, G. 2018: From Romanised subject to sophisticated code-switcher: the formation of thought on hybridity and the spread of Roman culture. In N. Lemay-Hebert, R. Freedman (eds.), *Hybridity: Law, Culture and Development*. Oxford, 91–104.
- Shami, S. 2000: Prehistories of Globalization. *Public Culture* 12(1), 177–204.
- Shisterov, M.V. 2016a: Romanizatsiya, rimskost' i lokal'nye identichnosti: novyy vzglyad na fenomen rimskogo imperializma [Romanization, roman-ness and local identities: new opinions about the phenomenon of Roman imperialism]? *Istoriko-pedagogicheskie chteniya [Historical and Pedagogical Readings]* 20(2), 235–239.
- Shisterov, M.V. 2016b: Posle romanizatsii [After romanisation]? *Zapad, Vostok i Rossiya. Voprosy vseobshchey istorii [The West, the East and Russia. Problems of World History]* 18, 127–131.
- Shisterov, M.V. 2017: Rimskiy imperializm v postimperialisticheskoy perspektive (o nekotorykh osobennostyakh “postkolonial'noy istoriografii”) [Roman imperialism in the postimperialistic perspective (about some features of postcolonial historiography)]. *Zapad, Vostok i Rossiya. Voprosy vseobshchey istorii [The West, the East and Russia. Problems of World History]* 19. 305–311.
- Sweetman, R.J. 2007: Roman Knossos: The Nature of a Globalized City. *AJA* 111(1), 66–67.
- Thomas, J. 2006: *L'imaginaire de l'homme roma*In *Dualité et complexité*. Bruxelles.
- Tomlinson, J. 2006: *Globalization and Culture*. Cambridge.
- Traina, G. 2006: Romanizzazione, “métissage”, ibridità, alcune riflessioni. *MEFRA* 118(1), 151–158.
- Van Oyen, O. 2015: Deconstructing and reassembling the Romanization debate through the lens of postcolonial theory: from global to local and back? *Terra Incognita* 5, 205–226.
- Versluys, M.J. 2014a: Getting out of the Comfort Zone. Reply to responses. *Archaeological Dialogues* 21(1), 50–64.
- Versluys, M.J. 2014b: Understanding objects in motion. An archaeological dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues* 21(1), 1–20.
- de Vries, J. 2010: The limits of globalization in the early modern world. *The Economic History Review* 53(3), 710–733.
- Wallace-Hadrill, A. 2008: *Rome's cultural revolution*. Cambridge.
- Wallerstein, I. 1974: The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History* 16(4), 387–415.
- Waters, M. 2009: *Globalization*. London.
- Webster, J. 2001: Creolizing the Roman provinces. *AJA* 105(2), 209–255.
- Wolf, G. 1997: Beyond Romans and natives. *World Archaeology* 28(3), 339–350.
- Wolf, G. 1998: *Becoming Roman: The Origins of Provincial Administration in Gaul*. Cambridge.

“GLOBAL” EMPIRE IN THE POST-COLONIAL PARADIGM:
AN ATTEMPT TO FILL THE CONCEPTUAL VACUUM

Mark S. Chistalev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
marcus7@mail.ru

Abstract. The debate on romanisation that arose in historiography at the end of the 20th and the beginning of the 21st century and questioned the possibility of applying the previous terminology in a postcolonial and post-imperialist situation, intensified the processes of searching for an alternative concept. All attempts to propose different terminology during the last twenty years have not been very successful. As a result, the deconstruction of “romanization” did not lead to the emergence of a new dominant paradigm, forming a conceptual vacuum. This paper considers the renewed interest in this theoretical and methodological issue within the framework of M. Versluys's and M. Pitts's concept. The appeal of the new approach at first glance lies in the fact that the globalization concept presupposes the consideration of cultural processes within the empire as multidirectional, at the same time maintaining the general imperial unity and the diversity of idiosyncratic elements within the provinces. However, for a more active application of the concept of globalization in ancient studies, there is an extreme shortage of examples of identifying the characteristics of globalization in relation to early historical periods. That is why the author questions the possibility of using and applying the concept of globalization to the Roman world, due to the insufficient development of the approach itself. As a compromise and support on a reliable terminological base, the author proposes to use the concept of «imperial diffusionism», which means unequal mutual influence of Rome and the provinces within the framework of political, socio-economic and cultural processes in the Roman Empire.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, globalization, Aegyptiaca Romana, imperialism, diffusionism, perception of foreign culture.
